

Глава 1

Всю ночь напролет они самозабвенно предавались любовным утехам.

И теперь Шу Цяо об этом горько жалел.

Тело ныло так, словно по нему проехался каток, а поясница и все, что ниже, напроочь лишились чувствительности. Примостившись на самом краю постели, он чувствовал, как ледяной сквозняк из кондиционера вгрызается под кожу, но даже натянуть на себя одеяло сил не находилось — мышцы отказывались повиноваться.

«Да, я молод и чертовски хорош собой, — отрешенно подумал он, — но нельзя же эксплуатировать чужую красоту с таким звериным фанатизмом!»

Преодолевая дикую слабость, Шу Цяо с трудом принял сидячее положение и вслепую потянулся к прикроватной тумбочке, пытаясь нащупать выключатель лампы.

За окном уныло барабанил дождь. Небо затянуло плотной серой хмарью, так что понять, который сейчас час, было решительно невозможно. Щелкнул выключатель, и в уютном полумраке разлился мягкий янтарный свет. Шу Цяо, щурясь и моргая, перевел сонный взгляд на своего ночного партнера.

Первым делом ему в глаза бросились руки — изящные, с тонкими, безупречно очерченными суставами. Длинные пальцы цветом походили на благородный белый нефрит, аккуратные ногтевые ложе отливали нежно-розовым, а кожа казалась такой гладкой и тонкой, что страшно было прикоснуться.

«Сразу видно — породистый красавец».

«Ладно, я в любом случае остался в плюсе. Даже если меня просто поимели, с таким партнером это все равно джекпот».

Хмель еще окончательно не выветрился из головы, и Шу Цяо, поддавшись минутному импульсу, протянул руку и осторожно коснулся чужого подбородка.

Теплый свет мягко очерчивал контуры лица спящего. Внезапно за окном с грохотом разорвался оглушительный раскат грома. Шу Цяо вздрогнул, сонливость как рукой сняло, и он наконец-то разглядел того, кто лежал на соседней подушке.

Тень скрывала половину лица незнакомца, отчего его безупречные черты казались еще более скульптурными. Высокая переносица, тонкие, сочные, слегка изогнутые губы дышали высокомерной холодностью и отстраненностью. Растрепанные темные пряди почти переплетались с густыми длинными ресницами, которые едва заметно подрагивали в такт

ровному, безмятежному дыханию.

Красавец — не поспоришь. Вот только...

Какого черта?! Это же, мать его, Шэнь Гу!

Шэнь! Гу!

Ба-бах!

В голове Шу Цяо взвыла такая сирена, словно этот гром прогремел не на улице, а прямо у него в мозгу. Кровь в жилах мгновенно застыла, парня прошиб холодный липкий пот.

Накануне Шу Цяо наконец-то выплатил последний транш по колоссальным долгам, которые оставил ему в наследство покойный папаша. Избавившись от этого вечного проклятия, он почувствовал такое облегчение, что на радостях даже вежливо лайкнул парочку хейтеров в Вейбо, а потом отправился в бар заливать триумф алкоголем.

К нему то и дело подкатывали с предложением выпить, но он вежливо отказывался. В конце концов какой-то настырный ухажер потерял терпение и попытался силой влить в него убойный коктейль. Шу Цяо уже лыка не вязал и не мог сопротивляться. И как раз в тот момент, когда он запаниковал, кто-то перехватил бокал и выпил вместо него.

Сквозь пьяную пелену Шу Цяо разглядел лишь силуэт спасителя. Но даже сквозь туман в глазах было очевидно: мужчина чертовски, невероятно красив.

Слово за слово, они как-то глупо зацепились друг за друга, начали препираться, куда-то идти... и в итоге каким-то непостижимым образом оказались в одной постели.

«Ну надо же, бывают же на свете такие совершенные существа, — лениво размышлял он тогда, проваливаясь в беспамятство. — Нос идеальный, глаза нереальные, краше любого смертного раз эдак в десять».

Охренеть можно.

Этим совершенным существом оказался Шэнь Гу!

Тот самый благородный рыцарь, который спас его от навязчивого алкоголика, дотащил до номера 1302 и всю ночь устраивал ему незабываемый марафон...

Это был Шэнь Гу! Мать его, Шэнь Гу!

Шэнь Гу.

Молодой господин Шэнь, чье имя наводило трепет на весь крупный бизнес. Киноимператор Шэнь, чьей славе завидовал весь шоу-бизнес. Два этих статуса слились в один непрерываемый бренд. Даже те, кто не смыслил в экономике и не смотрел кино, знали: есть на свете такой человек — Шэнь Гу.

В свои двадцать семь лет он обладал безупречной родословной и убийственной внешностью. Шэнь Гу с легкостью сочетал несочетаемое: досрочно окончил престижнейший университет, параллельно завоевав киноиндустрию. Каждый фильм с его участием становился сенсацией, что принесло ему статус, о котором обычные актеры не смели даже мечтать — титул бесспорного Киноимператора.

Даже маститые режиссеры при встрече заискивающе кланялись и лепетали: «Здравствуйте, господин Шэнь Гу». Разумеется, за гениальность приходилось платить — характер у Киноимператора был скверный, а общаться с простыми смертными он искренне презирал. Но многомиллионная армия фанатов видела в этом лишь изюминку.

Скверный нрав? «Вы ничего не понимаете, наш братик Шэнь просто искренний! Он не собирается лицемерить, как все эти дешевые пустышки!»

Высокомерие и молчаливость? «Это называется аристократический шарм! Наш Шэнь-гэ — небожитель, с какой стати ему тратить время на пустую болтовню?!»

Когда за спиной стоят миллиарды семьи, статус неприкасаемого и безумная фан-база, любые твои грехи превращаются в добродетели. Черное легким движением руки превращается в белое.

Но вот незадача: в этом же шоу-бизнесе обретался некто Шу Цяо.

Да-да, главный клоун этого цирка.

В то время как у других скандальных звезд была хотя бы горстка защитников, репутация Шу Цяо с самого дебюта была чернее безлунной ночи. Любое его благое намерение выворачивали наизнанку, а белое моментально перекрашивали в угольно-черный.

Стоило ему на людях засунуть в рот леденец, как на следующее утро в трендах Вейбо сиял заголовок: «Шу Цяо дымит как паровоз глухой ночью: поговаривают, его бросил богатый папик».

А если он всю ночь рубился в приставку и утром светил синяками под глазами, пресса взрывалась новостями: «Заплаканный Шу Цяо со следами побоев! Эксклюзивные подробности оргии на пятнадцать человек!»

«Ладно, хрен с вами, — тоскливо размышлял Шу Цяо. — С моей кармой я могу случайно наступить на головку чеснока, а на следующее утро читать статьи о том, как я зверски истязую незащитных животных. Смысл оправдываться?»

Шэнь Гу и Шу Цяо олицетворяли два противоположных полюса, а потому их взаимная неприязнь была предопределена самими звездами. Поначалу они почти не пересекались — слишком разные весовые категории, — но во время их первой случайной встречи Шу Цяо сразу почуял неладное.

Шэнь Гу с каменным лицом читал сценарий. Заметив приблизившегося Шу Цяо, он непроизвольно нахмурился. Да ладно бы просто нахмурился — он брезгливо отвернулся, мазнув по нему косым, полным презрения взглядом. Потом и вовсе прикусил нижнюю губу, словно хотел высказать какую-то гадость, но сдержался, лишь пренебрежительно фыркнул и стремительно удалился.

Шу Цяо так и застыл с полуподнятой для приветствия рукой.

Оцените сцену! Какая мимика! Какая пластика! Да на лице этого сноба было крупными буквами написано: «Ты пустое место, грязь под моими ногами».

«Подумаешь! Напугал ежа голой задницей! — мысленно огрызнулся тогда Шу Цяо. — Я тоже терпеть не могу заносчивых мажоров, зажавшихся знаменитостей и самовлюбленных красавчиков, ясно тебе?!»

С тех пор Шэнь Гу прочно обосновался в его личном черном списке.

С той поры при каждой редкой встрече они разыгрывали один и тот же немой спектакль: оба кривили лица, обменивались испепеляющими косыми взглядами, высокомерно фыркали и расходились в разные стороны, не проронив ни единого слова. Разумеется, папарацци не упустили такую фактуру. Сеть тут же запестрела громкими статьями о «непримиримой вражде», в которых Шу Цяо в очередной раз смешали с грязью, выставив завистливой бездарностью.

Виноваты ли были беспринципные журналисты или сам Шэнь Гу действительно его ненавидел, Шу Цяо решил для себя раз и навсегда: держаться от Киноимператора как можно дальше. Он понимал, что в их тесном мирке совсем избежать столкновения не удастся, и рано или поздно судьба их столкнет. Но чтобы до такой степени?!

В одной постели! После бурной ночи!

Осознание масштаба катастрофы накрыло его лавиной. Хотелось выть в голос.

Пресса любила сочинять байки про его несметные богатства, влиятельных покровителей и

капризный нрав «прекрасного паразита».

Но правда заключалась в том, что из всего этого списка у Шу Цяо была только смазливая мордашка. И больше ни шиша.

Блядь. И что теперь делать?

Если Шэнь Гу проснется и поймет, с кем перепихнулся, он же сотрет его в порошок. Закопает живьем в бетон!

Да почему всё через задницу-то?!

Пострадавшая сторона тут вообще-то он! Это его всю ночь крутили в позе рака, это у него сейчас отваливается поясница и ноет каждая мышца. И при этом он же должен трястись от страха, как бы его великий партнер не уничтожил его карьеру!

От такой вселенской несправедливости Шу Цяо едва не разрыдался.

Он осторожно скосил глаза на постель. Молодой господин Шэнь безмятежно спал. Из-под одеяла виднелась его безупречная, белая спина, вот только на холеной коже плеч сияли вполне отчетливые, свежие следы от ногтей.

Шу Цяо сглотнул.

Ну всё. Это точно смертный приговор.

«Сигаретка после секса — святое дело, предки врать не будут. Когда всё тело ломит от усталости, доза никотина должна стимулировать нервную систему и подстегнуть выброс адреналина, чтобы хоть как-то... унять дрожь в коленях».

Он медленно отвернулся, залез в карман куртки и нащупал там чупа-чупс. Курить Шу Цяо не курил, поэтому просто сунул леденец за щеку, зажал палочку между указательным и средним пальцами и с глубоким вздохом выпустил воображаемую струйку дыма.

Правда, сигареты у него не нашлось. Пришлось довольствоваться клубничной конфетой.

Он посидел на краю кровати еще немного, пока ледяной поток из кондиционера не заставил его лопатки покрыться мурашками. Наконец Шу Цяо нехотя поднялся, отыскал в куче разбросанных по полу вещей свою одежду и принялся медленно натягивать ее на ноющее тело.

Верхние пуговицы на рубашке бесследно исчезли — видимо, пали смертью храбрых в порыве

ночной страсти.

Накинув куртку и застегнув ее до самого подбородка, он на неслушающихся ногах доковылял до двери. Но уже взявшись за ручку, внезапно замер, словно его осенило, и повернул назад.

Покопавшись в карманах, он выудил еще один леденец. Нашел на прикроватном столике фирменную ручку отеля и прямо на шуршащем пластиковом фантике торопливо нацарапал несколько строк.

После этого он максимально бережно приподнял руку спящего Шэнь Гу и вложил конфету в его расслабленные пальцы.

— Я знаю, что ты меня не слышишь, но я все-таки скажу, — прошептал Шу Цяо. Голос его дрожал от искренней, глубокой скорби. — Как проснешься, закуси леденцом Alpenliebe, чтобы нервишки успокоить. Пожалуйста, будь человеком... и не уничтожай меня.

Высказавшись, он прижал ладонь к ноющей пояснице и, припадая на одну ногу, поплелся к выходу.

За номер он, разумеется, платить не стал. Откуда у него деньги на президентский люкс с панорамным видом? Шэнь Гу эту кашу заварил, пусть сам и расплачивается.

Дверь за ним тихо щелкнула, закрывшись.

Спустя полчаса.

Дождь за окном даже не думал утихать. Монотонный шорох капель усыплял, маня обратно в объятия Морфея.

Мужчина на кровати шевельнулся и медленно открыл глаза.

Опершись ладонью о белоснежную простыню, он хотел было приподняться, чтобы включить свет, но тут же почувствовал, что в его пальцы что-то зажато.

Шэнь Гу взъерошил растрепанные темные волосы, сощурился и поднял ладонь к лицу, пытаясь при тусклом свете разглядеть загадочный предмет.

На его ладони покоился клубничный леденец. На шуршащем пластике фантика кривыми, спешными каракулями было выведено:

«Проснись и пой! Потянись, улыбнись, впереди прекрасный день! Шлю вам самый теплый

утренний привет. Желаю сибирского здоровья, кавказского долголетия, отличного настроения и душевного спокойствия. Пожалуйста, не злитесь. С добрым утром!»

Шэнь Гу молча уставился на конфету.

«Что за хренотень?..»

<http://bllate.org/book/20598/2105885>